
Латышский комиссар Чукотского ревкома

[Александр ЧЕРЕВЧЕНКО \(Латвия\)](#) - 20 мая 2017

Body

Под чужим именем

В августе 1919 из Петропавловска-Камчатского курсом на Ново-Мариинск (ныне Анадырь) отплыл пароход «Добрфлота» «Томск».

На его борту в Чукотскую глухомань следовали представители власти верховного правителя Сибири адмирала Колчака во главе с начальником Чукотского уездного управления Грозовым — его секретарь Толстихин, мировой судья Суздаев, начальник милиции Струков и десять милиционеров.

Их целью было установление колчаковской власти на дальней окраине России.

В списке пассажиров парохода были также безвестные «искатели приключений» Сергей

Евстафьевич Безруков и Дмитрий Мартынович Хваан. Под этими именами в Ново-Мариинск инкогнито следовали Михаил Мандриков и Август Берзень — в недалеком будущем председатель и комиссар первого Ревкома Чукотки, посланные туда Владивостокским комитетом РКП(б) для установления советской власти.

Михаил Сергеевич Мандриков — белорус, уроженец села Горы Могилевской губернии. Рабочий-железнодорожник, матрос Балтийского флота, делегат Всероссийского Учредительного собрания по Приморскому избирательному округу от Совета крестьянских депутатов. В 1918 году — делегат III Всероссийского съезда Советов. Активный участник большевистского подполья во Владивостоке.

**Михаил
Мандриков**

В 1919 году был арестован колчаковцами, приговорен к расстрелу. Бежал из-под стражи, скрывался в тайге. В момент описываемых событий Мандрикову исполнился 31 год.

Латыш Август Берзинь был на десять лет моложе своего товарища, но и в этом юном возрасте успел заслужить репутацию отважного и опытного борца за рабочее дело.

О его жизни на родине, в Латвии, ничего неизвестно. Вот вкратце его революционный послужной список: стрелок 2-го Рижского латышского полка, командир латышского отряда, сражавшегося с белогвардейцами и интервентами на Гродевонском и Уссурийском фронтах, член Хабаровского Совета рабочих и крестьянских депутатов, комиссар железнодорожной станции Хабаровск.

Прибыв в Ново-Мариинск в сентябре 1919 года, в целях конспирации Безруков-Мандриков устроился весовщиком на казенный продовольственный склад, а Хваан-Берзинь, еще на борту «Томска» приглянувшийся начальнику колчаковской милиции Струкову своей военной выправкой, был принят к нему в отряд — сначала истопником, затем милиционером.

Изучая обстановку в Ново-Мариинске, Мандрикову и Берзиню удалось к концу октября выявить и объединить в сплоченную революционную группу местных жителей, сочувствовавших советской власти. Тогда же в подполье был сформирован первый орган советской власти.

**Август
Берзинь**

Председателем ревкома был избран Михаил Мандриков, комиссаром охраны с широкими полномочиями — Август Берзинь, комиссаром радиостанции — еще один наш земляк, уроженец Латгалии, выпускник Режицкого городского училища, телеграфист по специальности Василий Титов.

Секретарем ревкома стал чуванец Михаил Куркутский, его заместителем — литовец Александр Булат.

Вот имена остальных членов ревкома: американский матрос немецкого происхождения Уолтер Аренс, ингуш Якуб Мальсагов, словак Василий Бучек, украинец Игнатий Фесенко, русские Иван Клещин и Николай Кулиновский.

Настоящий интернационал!

Переворот

До 16 декабря ревком действовал в подполье. Утром комиссар радиостанции Василий Титов доложил Мандрикову и Берзиню о перехвате радиограммы начальника уездного управления Громова управляющему Камчатской областью Червлянскому. В ней говорилось о подрывной работе большевиков в Ново-Мариинске и угрозе переворота. Глава колчаковской администрации Анадырского уезда просил указаний.

**Михаил
Куркутский**

В ответной радиограмме Червлянский посоветовал Громову ввести в уезде осадное положение и не церемониться с расстрелами большевиков. Было ясно, что колчаковцам удалось внедрить в подполье своего агента.

Но кто он? Необходимо было провести тщательное расследование, но времени на это не хватало. Медлить было нельзя.

Ревкомовцы подсчитали свой арсенал: шесть револьверов системы «браунинг» и пять русских «трехлинеек» с боекомплектом, три охотничьих винчестера. Милиционеры Струкова, охранявшие уездное начальство, были вооружены американскими карабинами, гранатами и пулеметами. Силы были неравны, ревкомовцы могли рассчитывать лишь на внезапность выступления и решительность действий.

«Берзиню, Галицкому, Булатову, Фесенко, Вальтеру Аренсу и некоторым другим под руководством Мандрикова было поручено разоружение милиции, — вспоминал полвека спустя участник событий В. А. Клещин. — Это было, конечно небезопасно. Милиционеров насчитывалось человек пятнадцать. Во главе их стоял опытный колчаковский офицер Д. Д. Струков. И все же группе милиционеров удалось провести операцию хорошо, без выстрелов, без жертв. Милиционеры были разоружены, от каждого была взята расписка, что они не будут выступать против власти Советов. Начальник милиции Струков был арестован».

**Уолтер
Аренс**

В то же время Фесенко и Аренс взяли под стражу секретаря управляющего Анадырским уездом Толстихина. Затем Берзинь и Кулиновский арестовали Громова и судью Суздалева.

На следующий день, 17 декабря, в доме мелкого коммерсанта Тренева, входившего в подпольную группу, состоялось собрание граждан Ново-Мариинска (Анадыря). На нем была избрана следственная комиссия в составе председателя Берзиня, члена Тренева и секретаря Титова.

Проанализировав в течение двух дней «факты контрреволюционной деятельности» Громова, Толстихина, Суздалева и Струкова, собрание приговорило их к смертной казни. Расстреляли всех, кроме Струкова, которого отправили на принудительные работы в угольную шахту.

Почему его помиловали?

Видимо, и следственная комиссия, в первую очередь Тренев, и собрание граждан поселка, и, наконец, Мандриков, утверждавший этот приговор, поверили сказке Струкова о том, что чукотскую милицию он согласился возглавить только потому, что хотел таким образом избежать отправки на фронт, в действующую армию Колчака. Поскольку тайно, в душе сочувствовал революционному пролетариату.

Пройдет немного времени, и этот «сочувствующий» станет одним из главных организаторов контрреволюционного переворота и убийцей ревкомовцев. Как и член следственной комиссии Тренев — тот самый не выявленный своевременно тайный агент колчаковцев в большевистском подполье.

Именно эти двое станут глумиться над телом застреленного ими Августа Берзиня, нанеся ему несколько ножевых ударов...

Методом проб и ошибок

Первый Чукотский Ревком просуществовал полтора месяца. И успел за это время сделать немало добрых дел.

Первый Ревком Чукотки. Анадырь. 1920 г.

Во-первых, все долги населения уезда купцам и коммерсантам, которые составляли не много, не мало полмиллиона рублей в золотом эквиваленте. Во-вторых, национализировал все рыбалки, т. е. рыболовные угодья в окрестностях Ново-Мариинска, в селах Марково и Белая, принадлежавшие местным богатым.

В двадцатых числах января Мандриков телеграфировал в Петропавловск-Камчатский:

«Со времени появления здесь двух капиталистических рыбалок, владельцы которых, руководствуясь только алчной наживой, каждый год перегораживают устье р. Анадыря, оставляя тем самым все населения Анадырского края на произвол судьбы, последствием которого является голод.

Вот что пишут товарищи из Белой об эксплуатации Малковым, Свенсоном и Ко, которые за отсутствием рыбы сделали жизнь бедноты сплошным кошмаром...

Революционный комитет... объявляет, что рыбалка на Сооне, расположенная на правой стороне р. Анадыря, рыбалка Грушецкого и Ко на левом берегу поступает в полное достояние РСФСР. Дальнейшая ловля рыбы будет производиться совместно с трудовыми каадалами сел Марково и Белой в рыбной секции при Совете».

Но эта национализация рыбалок оказалась полумерой. В ответ коммерсанты припрятали рыболовные снасти, катерное горючее.

Член Ревкома И. Фесенко, в прошлом моторист катера, внес на рассмотрение Ревкома вопрос о национализации всех запасов бензина, керосина и смазочных материалов. Он потребовал чтобы это было сделано срочно.

Все остальные члены ревкома решили отложить эту акцию до весны. Как вскоре выяснилось, совершенно напрасно.

Тот же Фесенко ратовал за то, чтобы население уезда немедленно сдало в ревком все огнестрельное оружие. И это его предложение комитет «прокатил».

Непростительной ошибкой Мандрикова была отправка в чукотскую глубинку Августа Берзиня во главе отряда ревкомовцев для установления Советской власти в селах Марково, Усть-Белая, Лорино, в стойбищах кочевых чукчей в долине реки Анюй. Задача не из легких. От Анадыря до Усть-Белой свыше 300 верст, до Марково — 600, до Лорино, Уэлена — все 800.

Дорог в тундре не было, нет и никогда не будет. Зима, доисторическая тьма. Налетающие из тьмы пурги.

Ехать посланцами ревкома пришлось на собачьих нартах. Еще труднее было установить контакт с местным населением, не знавшим русского языка. Выручал Куркутский — парень из местных, чуванец. Чукчи знали его хорошо и доверяли ему.

В целом такая командировка была необходима, свою задачу товарищи выполнили, но из-за отсутствия Берзиня Чукотский ревком фактически остался без организованной охраны.

Но этим просчеты ревкома не ограничивались. И, пожалуй, главным из них была недооценка противоборствующих сил.

Ликвидировав верхушку колчаковской власти в Ново-Мариинске, создав Советы в окрестных селениях и стойбищах, Мандриков, видимо, решил, что задача по установлению советской власти в уезде решена окончательно и бесповоротно. Но так не считали истинные хозяева Чукотки — владелец американской пушной фактории Олаф Свенсон, владельцы рыбалок, купцы и прочие местные «олигархи». Конечно, никто из них по своим масштабам не мог сравниться с нынешним фактическим «начальником Чукотки» Романом Абрамовичем, но по тем временам все они владели поистине несметными богатствами и держали в жестокой кабале подавляющее большинство коренного населения.

Следует признать, что большевистский переворот 16 декабря был бы невозможен, если бы чукотские богатеи не поддержали его своим невмешательством в события. Вооруженные до зубов, верные своим хозяевам холопы предпринимателей легко бы справились с горсткой мятежников.

Но этого не произошло по той простой причине, что местная буржуазия была недовольна

колчаковской администрацией, бесцеремонно запустившей свои лапы в их закрома, и надеялась, что и при ревкоме ей удастся занять ключевые места в Советах, как это было до колчаковского переворота. То есть сохранить за собою господствующее положение.

Когда же выяснилось, что при большевиках им это не светит, превратились в непримиримых врагов ревкома и решили его уничтожить.

«Опытные политиканы — коммерсант Бирич, артельщик Рыбин, коммерсант Тренев, рыбопромышленник Грушецкий действовали хитро... Так, по поселку были пущены слухи о готовящемся «красном терроре, о снижении цен на пушнину, об отказе в снабжении населения через казенный склад, о повышении цен на продукты и т. д... Высылка ревкомом бывшего начальника колчаковской милиции Д. Д. Струкова на шахту «Угольная» усилила там позиции контрреволюционеров. Именно на шахте «Угольной» и был выработан план вооруженного нападения на ревком», — пишет в своей книге «Восполняя белые пятна» историк В. П. Пустовит.

Ну а главным врагом большевистской власти в Анадыре был несомненно Трифон Бирич. К Мандрикову у него были личные счеты. Председатель ревкома увел у него любимую жену — красавицу Елену.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Имя этой женщины на Чукотке до сих пор у всех на устах. Оно овеяно тайнами и легендами. О ней пишут книги, ставят театральные спектакли. Целое литературное исследование посвятил ей мой незабвенный друг, живший и работавший на Чукотке, Евгений Рожков.

«Кто она, Елена Бирич, в девичестве Чернец? Каким образом оказалась на Чукотке в период кровавых революционных событий? О ее пребывании здесь документов почти не сохранилось, но витает обилие домыслов, а некий мистический свет до сих пор будоражит наших современников, — пишет Евгений Рожков в очерке «Загадочная красавица Чукотки. — В двадцать с небольшим лет Елена вышла замуж за одного из богатых купцов Камчатки Трифона Бирича. В 1918 году отец Трифона направил его с молодой женой на Чукотку с целью открыть свое дело...

О красоте Елены Дмитриевны и в былые времена, и теперь ходят легенды. Рассказывали, что для того, чтобы посмотреть на эту «солнечную женщину», чукчи из глубинки приезжали в Ново-Мариинск, усаживались у крыльца дома Бирич и часами ждали ее появления. Гибкий стан, зеленые глаза, каштановые волосы, белое славянское, красивое лицо... Судя по поступкам, Елена Дмитриевна была женщиной волевой, умной, решительной».

Возможно, что все это было именно так. Но связь Мандрикова и Елены Бирич, открывшаяся вскоре после переворота 16 декабря, когда она ушла от мужа и стала, как теперь говорят, «гражданской женой» председателя ревкома, пришлась не по душе его соратникам.

Наиболее радикально настроенный Фесенко громогласно требовал от Мандрикова порвать эту связь, дескать, Елена принесет им несчастье. Он даже, впрочем безосновательно, подозревал в ней подсадную утку местной контры.

В конце концов в порыве гнева Мандриков лишил Фесенко ревкомовского мандата.

Резко осудил своего товарища за эту связь Август Берзинь. Он тоже считал, что она угрожает безопасности ревкома. Ведь по поселку ползли слухи, что Мандриков насильно увел Елену от мужа и под страхом расправы сделал ее своей наложницей. И что

ревкомовцы намерены всех жен Чукотки сделать всеобщей собственностью...

Не потому ли Мандриков отправил Берзиня в глубинку во главе маленького отряда — с глаз долой?

Факт тот, что в роковой день 31 января 1920 года Елена Бирич оказалась в осажденном мятежниками доме вместе с ревкомовцами.

Положение было безвыходным. По настоянию провокатора Тренева бойцы охраны ревкома отправились на охоту для заготовки мяса, захватив с собою почти все оружие. Осаждавшие открыли по дому прицельный огонь из винчестеров, а осажденным отстреливаться было практически нечем.

В доме было восемь здоровых, закаленных в боях мужчин, но Мандриков почему-то отправил с белым флагом на переговоры свою возлюбленную. Или она сама вызвалась выполнить эту миссию?

Переговоры ни к чему не привели, мятежники требовали безоговорочной капитуляции.

Узнав о том, что Мандриков решил сдаться, застрелился Игнатий Фесенко. Ревкомовцы выходили из дома по одному с поднятыми руками. Все они были арестованы.

Через два дня, второго февраля их повели по льду реки Казачки в тюрьму и по по пути предательски убили выстрелами в спину. Трупы свалили в яму, выбитую в мерзлоте для хранения рыбы.

7 февраля в Ново-Мариинск на нартах возвращались из командировки в глубинку Август Берзинь, его помощник Мальсагов, а также делегат от Маркво Борисов. Они, естественно, ничего не знали о произошедшей здесь трагедии. При въезде в поселок их поджидала засада, они были обстреляны из винчестеров.

Нападавшие окружили коммунаров, разоружили и на следующий день расстреляли...

А что же случилось с «загадочной чукотской красавицей» Еленой Бирич? Да ничего особенного. Мятежники ее не тронули, она вернулась к мужу, который простил ей измену. И в июле 1920 года на шхуне «Поляр Бэр», принадлежавшей хозяину фактории Олафу Свенсону, вместе с мужем и Струковым благополучно отбыла в Америку.

Все, что от нее осталось, — золотой перстень, который она подарила возлюбленному перед его гибелью. Он был обнаружен на пальце мертвого Мандрикова при перезахоронении ревкомовцев.

Вместо эпилога

В 1985 году, после переезда из Магадана в Латвию, я рассказал эту историю моему хорошему товарищу Андрису Колбергу, известному писателю-прозаику, мастеру детективного жанра, по книгам которого знаменитый латышский кинорежиссер Алоиз Бренч поставил к тому времени пять художественных фильмов.

— Слушай, ведь это бесценный материал для киносценария, — сказал Андрис. — Скоро буду на киностудии, поговорю с кем надо. Обещание свое он выполнил.

— Странное дело, — рассказывал он при встрече. — Я пытаюсь растолковать ему твой замысел, а он ведет речь совершенно о другом, будто меня не слышит. И так несколько раз...

До «песенной революции» было еще пять лет, но идеи ее уже наэлектризовали атмосферу в республике.

«Правое дело», за которое сложили головы члены первого Ревкома Чукотки, в том числе и латыш Август Берзинь, правым уже не считалось. На политическую сцену Латвии готовились выйти новые герои, которые тоже считали свое дело правым и готовы были отдать за него жизнь.

Но как воскликнул перед казнью Дантон, революция пожирает своих детей.

Сколько из тех, кто затевал октябрьский переворот в Петрограде, сражался за советскую власть на фронтах гражданской, перемолол в лагерную пыль сталинский режим? Им несть числа. Слава Богу, в Латвии до этого не дошло.

Но где сегодня организаторы и вдохновители «песенной революции»? Сменилось лишь одно поколение, но кто сегодня помнит их имена?

И кто нынче здесь у власти? Временщики, выскочки, не имевшие ни малейшего отношения к тем событиям, к тем, кто боролся за независимость Латвии, и распродавшие эту независимость оптом и в розницу.

История, надеюсь, с них спросит.

В связи с этим хочу напомнить стихотворение Арвида Скалбе (перевод мой):

*На холодных руинах в безлюдье кромешном
Не гнездятся и аисты — дети раздолья.
Снова шапок в прихожей окажется меньше,
Больше стульев свободных в невеселом застолье.
Наши прежние распри не сушат нам горло,
Наши боги давно лишены поклоненья.
Но я вижу воочию — время не стерло
Роковое клеймо с моего поколенья.
Пусть историк уныло разводит руками -
Мы у смерти тогда не просили отсрочки
И в начале пути исчезали полками.
А теперь вот уходим поодиночке...*

[Александр ЧЕРЕВЧЕНКО \(Латвия\)](#) - 20 мая 2017

<http://webkamerton.ru/node/6367>